

Михаил Зыгарь. Империя должна умереть. История русских революций в лицах

Революции не происходят неожиданно, империи не гибнут ни с того ни с сего. Главный урок, который мы можем вынести из революции 1917 года, – понимание того, почему император и его окружение в обстановке, которая требовала кардинальных внутренних реформ, не только на эти реформы не решились, но, наоборот, всеми силами пытались повернуть развитие страны вспять, усиливая опору на «традиционные ценности», православие и армию. Глава за главой, через живые истории людей, Михаил Зыгарь показывает, как империя неуклонно движется к катастрофе и почему ничто не может ее спасти. Главный герой этой книги – российское гражданское общество. Оно зарождается в первые годы XX века, развивается на глазах у читателя и на его же глазах исчезает вскоре после 1917 года. Книга мне очень понравилась, читается на одном дыхании. Многие знакомые исторические факты открываются с новой стороны.

Михаил Зыгарь. Империя должна умереть (в 3-х томах). История русских революций в лицах. 1900-1917. – М.: Альпина Пабlishер, 2019. – 910 с.

Купить книгу в издательстве [Альпина Пабlishер](#), цифровую книгу в [ЛитРес](#), бумажную книгу в [Ozon](#)

Глава 1. В которой Лев Толстой становится символом борьбы с режимом и главным идеологом оппозиции

24 февраля 1901 года газета «Церковные ведомости», официальный печатный орган РПЦ, публикует текст «Определения Святейшего Синода о графе Льве Толстом», в котором говорится об «отпадении» от церкви самого известного писателя России. На следующий день о своем отлучении узнает Лев Толстой. Он в Москве, в своей усадьбе в Хамовниках. Граф, по словам его жены Софьи Андреевны, подавлен, вся семья в растерянности: чего теперь ждать?

К моменту отлучения от церкви положение Льва Толстого в России удивительно. Ему 72 года, он один из самых известных людей в стране – и последние двадцать лет враждует с властью. Его книги запрещены, за их печать и распространение людей ссылают и сажают. Изгнан из России Владимир Чертков – любимый ученик, издатель и верный помощник писателя. Однако самого Толстого пока никто не трогал.

Отношение Толстого и к творчеству, положению и успеху поменялось около 1880 г. Авторские права на все произведения, напечатанные до 1881 года, он передает семье, а все, что написано после, объявляет общим достоянием, за которое ему не нужно платить гонораров. Произведения, созданные до «переворота», в том числе «Войну и мир» и «Анну Каренину», он считает менее значимыми. Только свои религиозные труды граф считает достойными внимания.

1 марта 1881 года в Петербурге группа молодых людей из организации «Народная воля» убивает императора Александра II. Бомбу в царя бросает 25 летний поляк Игнатий Гриневицкий. Но

руководит терактом 27-летняя дочь бывшего губернатора Петербурга Софья Перовская – это она машет белым платком, подавая сигнал убийце.

На престол восходит Александр III, любящий произведения Толстого. Министр церкви Победоносцев пишет манифест о незыблемости самодержавия. Суть документа проста: больше никаких либеральных реформ, никакой конституции, никакого парламента, никакой представительной власти. В своем отчете императору Победоносцев признает, что «в среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением», зато «все здравые и простые люди несказанно радуются». Впрочем, это фирменный стиль Победоносцева – он всегда уверяет, что *точно знает мнение народа и говорит от имени истинно русских людей*. Начинается эпоха Победоносцева, которая продлится больше двух десятилетий.

К концу правления Александра II почти ни у кого в Петербурге не было ни малейших сомнений в том, что движение к конституционной монархии неизбежно, что перемены уже необратимы. Но индивидуальное усилие Победоносцева смогло все развернуть. В 1884 году он писал о демократии: «Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия... идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции – и проникла, к несчастью, в русские безумные головы».

В 1894 году покровитель Толстого Александр III умирает, не дожив до 50. Его преемнику Николаю II 26 лет, он не интересуется ни политикой, ни престарелым Толстым, ни его ровесником Победоносцевым, который раздражает и пугает молодого императора. Впрочем, главный тезис Победоносцева Николаю близок, он тоже уверен, что власть царя – от Бога, а всякая конституция – от дьявола.

Правление Николая II начинается со скандала. В начале 1895 года он принимает делегации от разных губерний. Во время встречи представители Тверской губернии в своем поздравлении говорят о необходимости увеличить роль общества в управлении государством. В своей ответной речи император называет их просьбу неожиданно резко: «бессмысленными мечтаниями».

25-летний Петр Струве пишет 26-летнему Николаю о том, что интеллигенция наивно полагала, что царь и бюрократия – разные силы, а услышав про «бессмысленные мечтания», поняла, что это одно и то же.

Через неделю после отлучения Толстого, 4 марта 1901 года, на площади около Казанского собора толпятся люди. Здесь не только студенты, но и столичные знаменитости, например два молодых писателя социалиста. Они – полная противоположность друг другу. Один – молодой человек из хорошей семьи, сын пермского губернатора Петр Струве, второй – юноша из низов, Алексей Пешков, подписывающий свои произведения псевдонимом Максим Горький. Струве профессионально занимается политикой в стране, где нет политики. Это он с единомышленниками, среди которых Владимир Ульянов, создал первую в стране социалистическую газету «Искра». Струве 31 год, Горькому – 32.

Митинг у Казанского собора – это, наверное, первая массовая политическая манифестация в истории России. Представители самых разных сословий выходят, чтобы заступиться за студентов. Собравшиеся требуют отменить «временные правила», позволяющие любого политически активного студента отчислить и призвать в армию. Казаки разгоняют толпу, много раненных и арестованных.

Чехов и Горький оба больны туберкулезом, поэтому уже несколько лет подряд они стараются проводить в Крыму как можно больше времени. Здесь же Чехов переживает театральные провалы своих пьес: «Чайка», поставленная в Петербурге в 1896 году, была освистана публикой. Приятель Чехова режиссер Владимир Немирович уговаривает его согласиться на постановку пьесы в Москве. Писатель хорошо знает новый театр, который затевают Немирович и его партнер Константин Алексеев (выступающий на сцене под псевдонимом Станиславский), и соглашается. К тому же Чехову очень нравится 30-летняя артистка Ольга Книппер, которая должна играть главную роль в новой постановке. В 1901 году они женятся – и проводят медовый месяц в туберкулезном санатории в Башкирии. Впрочем, вскоре супруги разъезжаются: он большую часть времени проводит в Ялте, она – в Москве, работая в театре.

Горький начинает встречаться с актрисой Художественного театра Марией Андреевой.

Глава 2. В которой Сергей Витте не может удержать Россию от вторжения в Китай и захвата Пекина

Предшественники Витте много занимали за рубежом. После унижительного поражения в Крымской войне российские власти осознали, что империя отстает от европейских соседей и ей срочно нужны деньги для модернизации экономики. Финансировать модернизацию России согласились сначала немецкие, а потом французские банкиры. Император Александр III, встречая французскую эскадру в Кронштадте в 1891 году, с непокрытой головой слушал революционный гимн «Марсельезу», за исполнение которого в России вообще то сажали. Деньги совершили чудо. Именно Александр III назначил Витте министром финансов. И тот оказался еще большим прагматиком, чем его предшественники. В будущем многие (в том числе Николай II) станут называть Витте хамелеоном. Впрочем, политические взгляды Сергея Витте действительно сильно изменились за 30 лет политической карьеры.

Купеческие династии появились в России лишь в начале XIX века. Основателем династии Морозовых был Савва Морозов, крепостной крестьянин, который разбогател и смог себя выкупить. Он заработал огромное состояние на производстве тканей – этому обстоятельству способствовали союз России с наполеоновской Францией и участие в континентальной блокаде Англии. Из-за блокады в России исчезло дешевое английское сукно, и импортозамещение быстро обогатило отечественных производителей.

Внук основателя династии, которого тоже звали Савва Морозов, навсегда поссорился с родителями, когда решил жениться на разведенной женщине. Отец его возлюбленной Зинаиды, тоже богатый старообрядец Зимин, работавший на одной из фабрик, принадлежащих династии Морозовых, узнав, что она разводится с первым мужем, чтобы выйти за Савву Морозова, сказал единственной дочери: «Лучше б ты умерла, чем такой срам». В XIX веке нравы и моральные принципы купцов оставались гораздо ближе к крестьянским, чем к дворянским.

Ситуация меняется на рубеже веков: появляется новое поколение купцов. На смену пионерам российского бизнеса, которые стали миллиардерами во время реформ Александра II, приходит новое поколение, «золотая молодежь», совершенно не похожая на детей полуграмотных «торгующих крестьян». Они хорошо образованны, бывают на Западе и совсем иначе видят свое положение в мире. Савва Морозов, учится в Кембридже. Сын торговца водкой, строителя железных дорог Ивана Мамонтова, тоже Савва, так увлекается театром, что едет в Милан учиться пению и даже выступает на сцене Ла Скала. Дети суровых старообрядцев открывают и для себя, и для всей Европы импрессионистов, делают это направление дорогим и модным.

Дальше всех в своем увлечении искусством заходит сын купца Сергея Алексеева, близкого родственника Мамонтовых и Третьяковых, Константин. Он решает совсем не заниматься семейным бизнесом (может себе позволить – у него девять братьев), а посвятить свою жизнь театру. Алексеев становится актером и режиссером – и берет себе псевдоним Станиславский.

Золотая купеческая молодежь, в отличие от своих родителей, вовсе не считает, что всем обязана власти. Эти молодые люди спорят с чиновниками, отстаивают свои интересы и становятся головной болью для министра финансов Витте. В 1896 году в Нижнем Новгороде проходит съезд промышленников, на котором обсуждаются таможенные пошлины. Участвует и 68 летний Дмитрий Менделеев (знаменитый химик и автор закона о таможенных тарифах), который, желая поставить всех противников на место, заявляет, что спорить с ним бесполезно, так как с ним согласен император. Зал смущенно замолкает. Но вдруг один из молодых участников говорит: «Выводы ученого, подкрепляемые мнением царя, не только теряют свою убедительность, но и компрометируют науку».

Витте вспоминает, что в первые дни правления Николая собирался утвердить у него приказ о закладке новой главной базы российского флота в том месте, где сейчас находится город Мурманск. Это решение принял еще Александр III, о чем наследник знал. Однако в дело вмешался дядя, великий князь Алексей, который предлагал основать базу в Лиепае (тогда – Либаве). Молодой император сначала заверил Витте, что не отступится от решения отца, а потом, едва ли не втайне от министра, подписал приказ, принесенный дядей. (Спустя много лет это решение окажется роковой ошибкой: во время Первой мировой войны главная база российского флота будет заперта в Балтийском море немецким флотом, к Мурманску не будет проложена железная дорога, и все

основные британские поставки в Россию будут идти через Архангельск; Мурманскую железную дорогу будут строить ускоренными темпами и успеют только к ноябрю 1916-го.)

Сергей Витте считает себя знатоком Дальнего Востока и гордится тем, как он умеет налаживать отношения с китайцами. Еще в должности министра путей сообщения Витте начал строительство Транссиба. В 1895 году заканчивается война между Китаем и Японией; китайские войска терпят поражение. Китай уступает Японии Тайвань и Ляодунский полуостров. Это все очень далеко от российской территории, но Витте считает, что любое проникновение Японии в материковый Китай – угроза для строящегося Транссиба. Тем более что у Витте есть два варианта, как строить дорогу. Можно провести ее только по российской территории, огибая Амур, через Читу и Хабаровск (именно так Транссиб идет сейчас). Но можно срезать: кратчайшее расстояние между Иркутском и Владивостоком – через Монголию и Китай. Второй вариант нравится Витте намного больше.

Витте проводит удачные переговоры с представителем китайского императора: решено, что Транссиб будет построен по кратчайшему маршруту через Китай, при этом дорога останется в российской собственности и будет охраняться российскими военными.

По словам Витте, молодому царю не терпится распространить влияние России на Дальний Восток. Вскоре император назначает нового военного министра – генерала Куропаткина, который требует захватить Порт-Артур и оккупировать все прилегающие территории. Россия отправляет Китаю требование передать России Ляодунский полуостров в безвозмездную аренду на 25 лет. Китай соглашается. Российские войска немедленно высаживаются в Порт-Артуре и оккупируют всю область. Ни единого выстрела не произведено – китайские адмиралы из Порт-Артура довольствуются небольшими взятками.

В 1902 г. 30-летний священник Георгий Гапон приезжает в Петербург. Он восстанавливается в Духовной академии и отправляется служить в церковь в Галерной гавани – очень неблагополучном районе неподалеку от Балтийских верфей, где живут рабочие окрестных фабрик, а также нищие, бездомные и безработные. Параллельно он начинает сотрудничать с тайной полицией.

Осенью 1902 года Витте, понимая, что самое важное и перспективное направление в российской политике – это Дальний Восток, отправляется в большое турне, заезжая во Владивосток, Порт Артур и Дальний. Изучив ситуацию на месте, он едет в Крым, где отдыхает император. Витте готовит доклад по итогам поездки: главная его мысль в том, что действовать надо аккуратнее – и обязательно договориться с Японией. Но Николай II не слушает доклад Витте, а назначает Безобразова статс-секретарем императора. Мнение нового доверенного лица Николая II по поводу ситуации на Дальнем Востоке известно: войска из Маньчжурии выводить нельзя, любые уступки Японии нецелесообразны, следует бороться за усиление российского влияния в Корее.

Глава 3. В которой евреи выходят на тропу войны: Михаил Гоц и Григорий Гершуни создают самую мощную оппозиционную партию в России

В 1900 году Григорию Гершуни, минскому фармацевту 29 лет, и он считает, что опять настает время террора.

Михаил Гоц родился в Москве – среди московских миллионеров есть не только старообрядцы, но и евреи. Чайный рынок контролируют отец Рафаил Гоц и шурин Давид Высоцкий. Условия ведения бизнеса для евреев еще более жесткие, чем для староверов, но Высоцкий и Гоц достигли невероятных высот: в начале XX века их компания обладала капитализацией в 10 миллионов рублей и годовым оборотом в 45 миллионов.¹

Как это произошло и в купеческих семьях, золотая молодежь, третье поколение московских миллионеров, не оправдала надежды стариков. Михаил Гоц увлекся не бизнесом и даже, в отличие от Морозова или Мамонтова, не театром – в 18 лет (в 1884 году) он вступил в подпольный кружок революционеров. В 1886 году облава закончилась для Гоца тяжелой десятилетней ссылкой в Сибирь, где он едва не погиб. После каторги у Гоца очень слабое здоровье, и семья уговаривает его лечиться во Франции. Однако больной планирует увидеться не только с врачами, но и с революционерами.

К началу XX века от движения народников почти ничего не осталось: подпольные кружки разрознены и почти не связаны друг с другом. Несмотря на, казалось бы, тотальную неудачу, народников

¹ Чтобы получить рубли 2019 г. нужно приблизительно умножить на 1000. – Прим. Багузина.

безгранично уважает большая часть молодого поколения революционеров. Гоц загорается идеей объединить подпольные кружки российских революционеров, вдохнуть жизнь в зачахшую оппозиционную партию. Гоц и Гершуни находят общий язык. С их свидания в Париже начнется новая эпоха в российской политической истории: именно они возродят «Народную волю» под новым названием – партия социалистов революционеров (СП). Эсеры на ближайшие два десятилетия станут главными врагами царского режима.

Российская полиция эффективно борется с кружками народников. В частности, благодаря донесениям нового тайного агента полиции, внедренного в ряды народников. Это 30 летний еврей, сын бедного портного из Гродненской губернии, выучившийся на инженера и даже получивший диплом в немецком Карлсруэ. Его зовут Евно Азеф, но он поменял себе имя на более благозвучное для русского уха – Евгений.

Наверное, Азеф остался бы заурядным полицейским осведомителем, рано или поздно опозорился и перешел бы на штатную работу в полицию. Но в декабре 1901 года он, во время командировки в Берлин, знакомится с Гершуни. Знакомство производит на Азефа настолько сильное впечатление, что он начинает вести двойную жизнь. С одной стороны, он сотрудничает с полицией, искренне считает, что это правильно, и не хочет отказываться от приличного заработка. С другой стороны, ему нравится Гершуни. Он не может предать этого человека и искренне хочет быть ему полезным. Азеф настолько искренне считает себя честным и в отношении полиции, и в отношении эсеров, что это похоже на раздвоение личности. Более того, он искренне обижается, когда его подозревают в обратном.

Количество русских политэмигрантов становится так велико, что впору говорить о появлении «маленькой России», альтернативного российского гражданского общества – причем состоящего из очень образованных и активных людей. Русскоязычная община в Европе погружается во внутренние споры, конфликты и дебаты. И постоянно пополняется новыми эмигрантами: к 1902 году в Европе живет около 35 тысяч российских подданных.

Гоц и Гершуни решают, что партии – преемнице «Народной воли» надо вернуться к тому, что принесло ей славу в предыдущем веке, – к террору. Гоц пишет устав Боевой организации эсеров и предлагает Гершуни начать уничтожение российских чиновников. 2 апреля от рук эсеров погибает министр внутренних дел Сипягин.

Развивает по всей стране сеть агентов-provokаторов начальник тайной полиции Сергей Зубатов. Одновременно Зубатов уговаривает министра Плеве поддержать и свой главный эксперимент – сеть профсоюзных кружков. Плеве с радостью дает добро на запуск эксперимента в крупных городах: в первую очередь в Петербурге, Минске, Одессе, Киеве. Зубатов начинает поиск организаторов для своих кружков. И вот в столице к нему приводят перспективного кандидата на роль профсоюзного лидера петербургских рабочих – священника Георгия Гапона.

Однако Гапону объясняют ему истинный смысл профсоюзов Зубатова – отвлечь рабочий класс от революционного движения. Гапон приходит к выводу, что все высшие чины РПЦ служат агентами тайной полиции. Однако, он решает сделать вид, что примкнул к зубатовской политике, и достигнуть собственной цели в деле организации подлинного союза рабочих.

По мнению Витте, притеснение евреев «способствовало крайнему революционированию еврейских масс и в особенности молодежи. Из феноменально трусливых людей, которыми были почти все евреи лет 30 тому назад, явились люди, жертвующие своею жизнью для революции, сделавшиеся бомбистами, убийцами, разбойниками... Конечно, далеко не все евреи сделались революционерами, но несомненно, что ни одна национальность не дала в России такой процент революционеров, как еврейская».

Глава 4. В которой либералы входят в моду: Петр Струве и Павел Милюков становятся самыми популярными политиками в стране

Петр Струве первый марксистский кружок собрал еще 20-летним студентом в 1890 году. Будущие создатели главной марксистской газеты «Искра», революционеры Мартов, Ленин и Потресов, тогда еще не были последователями этого учения. 17-летний Юлий Цедербаум (будущий Мартов) учился в царскосельской гимназии. Одногодка Струве Владимир Ульянов (еще не Ленин и даже не Петров) в 1890-м нигде не учился, потому что его отчислили из Казанского университета за участие в

студенческих беспорядках. Александр Потресов был однокурсником Струве и первым вступил в его кружок.

В 24 года Струве пишет книгу. «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», одна из первых русских книг о марксизме, становится хитом среди петербургской молодежи. Струве знакомится с Владимиром Ульяновым в 1894 году в гостях у друзей. Псевдоним «Ленин» еще не в ходу – Ульянов пишет под фамилией Ильин. Он внимательно прочитал книгу Струве и посвятил ее разбору и критике статью, причем такую длинную, что, чтобы зачитать ее до конца, Ульянов несколько раз приходит к Струве домой на Литейный проспект.

Струве знакомство с марксистом из провинции не понравилось: «Неприятна была не его резкость, – вспоминает он. – Было нечто большее, чем обыкновенная резкость, какого-то рода издевка, частью намеренная, а частью неудержимо стихийная, прорывающаяся из самых глубин его существа. Во мне он сразу почувствовал противника. В этом он руководился не рассудком, а интуицией, тем, что охотники называют чутьем».

Однокурснику Струве Потресову тоже не нравится «однобокий, однотонно упрощенный и упрощающий сложности жизни» подход Ульянова. Но они все же решают помочь провинциальному марксисту и публикуют его статью в новом сборнике.

Ариадна Тыркова, молодая петербургская журналистка, неожиданно для себя попадает в круг юных марксистов фанатиков. И все из-за подруг. В гимназии у Ариадны было три лучшие подруги: Нина, Лида и Надя. Все три девушки вышли замуж за крайне активных юношей. Нина стала женой Петра Струве, Лида вышла за участника его марксистского кружка Михаила Туган Барановского (в 1917 году он станет одним из основателей независимого Украинского государства и первым министром финансов Украины). А Надя, Надежда Крупская, влюбилась в провинциала Владимира Ульянова. Очень сильно влюбилась, вспоминает Ариадна, – и стала его гражданской женой, поскольку молодые атеисты решили, что не признают такую условность как церковный брак.

Ариадну поражает, с какой страстью мужья подруг говорят о своем учении: «...они твердили марксистские истины с послушным упорством мусульманина, проповедующего Коран». Струве и его товарищи «были совершенно уверены, что правильно приведенные цитаты из "Капитала" или даже из переписки Маркса с Энгельсом разрешают все сомнения и споры. А если еще указать, в каком издании и на какой странице это напечатано, то возражать могут только идиоты. Для этих начетчиков марксизма каждая буква в сочинениях Маркса и Энгельса была священна. Слушая их, я понимала, как мусульманские завоеватели могли сжечь александрийскую библиотеку», – пишет Ариадна в своих воспоминаниях.

В 1901 г. Струве ссылают в Тверь. Дмитрий Жуковский, спонсор «Искры», предлагает Струве тридцать тысяч рублей золотом на издание нового журнала за границей с одним лишь условием – чтобы никакого Ульянова-Петрова в нем не было. Жуковскому разонравились мюнхенские социалисты – он считает их слишком радикальными. Струве обосновывается около Штутгарта и начинает издавать журнал «Освобождение». В считанные месяцы он становится самым популярным и самым влиятельным русскоязычным журналом как в Европе, так и в самой России.

Струве – не первый журналист, к кому обращается инвестор-либерал Жуковский. С таким же предложением он приходил и к Павлу Милюкову, знаменитому историку, бывшему преподавателю Московского университета. Но тот отказался. У Милюкова нашли проект «конституции Российского государства» – фантазию о том, как Россия может быть устроена в будущем. Полгода Милюков провел в арестном доме (то есть СИЗО), затем ему позволили дожидаться суда на воле, но за пределами столицы, поэтому он поселился в Финляндии.

Следствие по делу шло с присущей судебной системе начала XX века волокитой. Приговор выносят только весной 1902 года – и Милюков просит отсрочить отсидку, так как хочет поехать на лето в Англию, чтобы подучить английский. Власти удовлетворяют его просьбу. Осенью Милюков возвращается в Петербург и, собрав вещи, едет в тюрьму – знаменитые Кресты.

Наладив выпуск газеты в Мюнхене, марксисты возвращаются к мысли о создании партии: тем более что их конкуренты – народники, ставшие эсерами, – к созданию своей партии уже приступили. Но если кружкам эсеров удалось объединиться, то марксисты из-за зашкаливающих амбиций все силы тратят на внутреннюю борьбу. И Плеханов, и редакция «Искры» все свое красноречие направляют на

то, чтобы разгромить соперников, в том числе Петра Струве, еще недавно написавшего манифест РСДРП. Теперь догматики упрекают его в том, что он отошел от чистого марксизма и стал либералом. Особенно усердствует давний приятель и критик Струве, редактор «Искры» Владимир Ульянов – сменивший теперь псевдоним «Петров» на «Фрей».

На съезде марксистов в Брюсселе собирается 43 человека. Председателем выбран, конечно, Плеханов. Одним из его заместителей – редактор «Искры» Ульянов, он же Фрей, который недавно изобрел себе еще один псевдоним – Ленин. Участники тут же начинают ругаться – их не останавливает даже бельгийская полиция, которая приходит в помещение и вежливо просит русских революционеров покинуть страну. Русские организованно садятся на пароход, отплывают в Англию – и через неделю продолжают ругаться в Лондоне.

Одна из причин ругани – партийная газета «Искра», кто будет ею руководить. Плеханов – лидер партии, большинство съезда поддерживает его, а он на стороне Ленина. Мартов закатывает скандал, подбивает всю прежнюю редколлегия (кроме Ленина, конечно) покинуть съезд в знак протеста – мол, они оскорблены недоверием к себе. Удивительно, но именно эта ссора окажется исторической – из-за мелочи произошел раскол не менее принципиальный, чем вражда суннитов и шиитов или расхождение католиков и православных. В результате этой размолвки российские марксисты разделяются на большевиков и меньшевиков.

Русско-японская война становится одним из первых в мировой истории примеров полномасштабного информационного противоборства. Вся международная пресса изо дня в день публикует карикатуры на Николая II и изображения русского медведя, который разбушевался и полез на маленькую Японию. Особенно усердствуют американские СМИ. Никогда прежде американская печать так остро не реагировала на войну, в которой не участвуют США. Но в этом случае симпатии американской аудитории всецело на стороне японцев.

В российской прессе японцев называют в основном «макаками», причем Витте утверждает, что это сравнение придумал сам император. Поначалу он в резолюциях своей рукой пишет, что «макаки» должны быть разбиты. Это слово подхватывают газеты, в первую очередь те, что существуют на государственные субсидии. Патриотизмом заражаются даже русские политические эмигранты, живущие в Европе.

Капитан Игнатъев, недавно дирижировавший балом в Зимнем, едет на Дальний Восток добровольцем. Он вспоминает, что армия совсем не подготовлена к боям: «...оказалось, что ни один из предметов военного обмундирования и снаряжения мирного времени не был приспособлен к войне». Мундиры и кителя – узкие, без карманов, к тому же белого цвета, а вовсе не хаки, как у англичан, – на поле боя офицер немедленно становится легкой мишенью. Пальто очень холодные, сапоги на тонкой подошве, они и рвутся, и скользят. Качество военной формы такое, вспоминает Игнатъев, что уже через шесть месяцев войны вся русская армия превращается в толпу оборванцев.

Гершуни арестован и суд приговорил его к смертной казни, заменив ее на пожизненное. Гоц очень переживает за судьбу партии и Боевой организации. Новый руководитель, Евгений Азеф, кажется ему «прыжком в неизвестность». Гоц предполагает, что в рядах партии есть предатель, но не подозревает никого конкретно. Тем более он не может заподозрить Азефа, которого «временным руководителем» назначил его любимый друг Гершуни.

В июле 1903 года, пока Гершуни сидит в Шлиссельбургской крепости, из Вологды за границу бежит ссыльный Борис Савинков. Образованный юноша и зять популярного писателя Глеба Успенского. Еще в 1902 году его осудили за участие в петербургской подпольной организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» – и сослали в Вологду. Там то и началась его настоящая революционная карьера. Он вступил в партию эсеров. Новые товарищи помогли ему добраться до Архангельска, там он сел на пароход, доехал до Норвегии, через Осло и Антверпен добрался до Женевы и пришел к Гоцу.

24 летний Савинков говорит ему, что хочет принимать участие в терроре, потому что считает его самой важной частью революционной борьбы. Гоц предлагает Савинкову пожить в Женеве и подождать: Боевая организация после ареста Гершуни разгромлена, никакой террористической деятельности эсеры не ведут. Савинков снимает квартиру в Женеве и терпеливо ждет несколько месяцев. И вот, наконец, в августе 1903 года к нему приходит «человек лет тридцати трех, очень

полный, с широким, равнодушным, точно налитым камнем, лицом, с большими карими глазами». Это Евгений Филиппович Азеф.

Именно Азеф разрабатывает план покушения на Плеве, который принципиально отличается от всех прежних операций Гершуни. Бойцы Гершуни, как правило, стреляли в своих жертв – и часто промахивались. Азеф решает действовать наверняка и использовать только взрывчатку, а от убийц одиночек переходит к формированию групп, которые тщательно выслеживают своих жертв.

И вот 15 июля 1904 года сразу четыре террориста занимают места по маршруту следования Плеве. Сазонов бросает бомбу в карету. Раздается взрыв – Савинков бежит к месту преступления. Он видит лежащего на земле Сазонова в луже крови. Император Николай II проводит этот день в Петергофе. В своем дневнике он записывает, что ранним утром ему сообщили «тяжелое известие об убийстве Плеве».

Обычно сдержанный, в этот раз император даже фиксирует несколько своих мыслей: «Смерть была мгновенная. Кроме него убит его кучер и ранены семь человек, в том числе командир моей роты Семеновского полка – тяжело. В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра внутренних дел. Строго Господь посещает нас Своим гневом. В такое короткое время потерять двух столь преданных и полезных слуг! На то Его святая воля! Тетя Маруся завтракала. Принял Муравьева, с подробностями этого мерзкого случая. Гуляли с Мамá. Покатался с Мишей в море. Обедали на балконе – вечер был чудный».

Глава 5. В которой императрица Александра и императрица Мария спорят, кто из них будет хозяйкой во дворце и в России

30 июля 1904 года в Петергофе 32-летняя императрица Александра рождает мальчика (после четырех девочек). Его называют Алексеем. Семья счастлива. Рождение наследника – это окончание злоключений императрицы, которые чуть было не свели ее с ума. Император забывает даже про войну на Дальнем Востоке, которая развивается не слишком удачно.

Будущая императрица Александра – Аликс – внучка королевы Англии Виктории и дочь герцога Гессенского. После смерти матери воспитывалась у бабушки в Лондоне. В 1884 году сестра Аликс вышла замуж за российского великого князя Сергея, младшего брата императора Александра III. Именно тогда Аликс, впервые приехала в Россию и познакомилась с 16 летним Ники, наследником российского престола. Он приходится ей троюродным братом по отцу. Аликс и Ники понравились друг другу, но они были еще детьми, и никто не воспринял их симпатию всерьез.

Отношения Александры со свекровью (вдовствующей императрицей) с самого начала не ладятся. Мария Федоровна весьма молода и деятельна, ей, урожденной датской принцессе Дагмар, в момент смерти мужа всего 47 лет, и она вовсе не планирует удаляться на покой. Аликс, ставшая Александрой Федоровной, кажется ей символом всех перемен к худшему в ее жизни. Умирает ее муж, а в дом входит незнакомая холодная девушка, которая станет теперь императрицей вместо нее.

Мария Федоровна не собирается уступать Александре Федоровне роль хозяйки петербургского двора. Все первые годы царствования Николая II на торжественных мероприятиях именно вдовствующая императрица занимает самое видное место. В любой процессии она идет первой под руку с сыном, Александра же остается позади, под руку с одним из великих князей. Единственными подругами новой императрицы стали две черногорские княжны, Стана и Милица, дочери черногорского князя Николая, которых еще Александр III выдал за великих князей. Не слишком знатных черногорок столичное общество тоже не принимает, и они сближаются с Александрой.

После рождения четвертой дочери императрица Александра с головой уходит в религию и мистику. В 1900 году великий князь Владимир, дядя царя и президент Академии художеств, привозит из Франции проповедника Низье Филиппа. Филипп «утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказывать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в серии гипнотических сеансов. После двух месяцев лечения он объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка».

Эту пятую беременность Александры Федоровны, начавшуюся в ноябре 1901 года, царь и царица решают скрыть даже от ближайших родственников. Только весной, когда все замечают, что

императрица сильно потолстела и перестала носить корсет, о ее беременности объявлять официально. Однако, по рекомендации Филиппа, императрица не допускает к себе медиков до середины августа, то есть до конца срока беременности.

8 августа наступает дата ожидаемых родов, но схватки все не начинаются. Лишь 16 августа императрица вызывает профессора Отта – у нее кровотечение. «Она сидит взволнованная, на рубашке капли крови. Государь ходит по комнате, очень волнуется и просит ее осмотреть», – вспоминает врач. После осмотра профессор сообщает Александре, что она вовсе не беременна. И только 19 августа становится окончательно ясен диагноз – мнимая беременность. Это страшный удар по психике императрицы. Низье Филипп уезжает из России.

В 1903 году в Петербург приезжает крестьянин из села Покровское Тобольской губернии. Ему 35 лет, и почти всю свою жизнь он путешествует по монастырям. Странника зовут Григорий, он один из тысяч «божьих людей», которые ежегодно приезжают в Петербург, зная, что светские дамы увлекаются мистицизмом, а императрица любит принимать юродивых.

21 августа 1904 года становится известно, что генерал Куропаткин сдал крепость Ляоян.

В 1904 году эсеры по-прежнему доверяют Азефу. Очевидно, что он – вовсе не циничный предатель. И с товарищами революционерами, и с начальством из МВД он по-своему искренен. Такова особенность психологии Азефа – он вовсе не считает себя предателем, поэтому может и оставаться важнейшим агентом тайной полиции, и в то же время разрабатывать планы новых убийств. Решено, что в Россию поедут три группы боевиков эсеров: в Петербург, в Москву и в Киев. Московскую мишенью должен стать генерал губернатор великий князь Сергей. Его убийство поручают Савинкову.

Проходит съезд земских представителей, и никого не арестовывают. Резолюции с предложением реформ направляют царю. Петицию царю пишут и губернские предводители дворянства. «Они тоже подпали под влияние этого земского съезда», – отмахивается царь в разговоре с министром внутренних дел Мирским. «Если Вы даже не будете доверять предводителям дворянства, на кого же Вы будете опираться? Ведь их уже в отсутствие консерватизма нельзя заподозрить», – отвечает министр.

Рабочие при этом остаются поначалу довольно консервативными. Профсоюзная организация Гапона разрастается: сначала он создает филиал своей «чайной» около Путиловского завода, в который сразу вступает семьсот человек. В считанные месяцы открывается еще восемь филиалов, но члены собраний далеки от революционных идей.

Политическая дискуссия в России становится такой бурной, что революционеры в эмиграции оказываются не у дел. Струве в Париже не находит себе места – несколько раз в день он бежит к газетному киоску, пытаясь купить все новые газеты, чтобы следить за событиями на родине.

Осенью 1904 года забастовки начинаются в Петербурге и в Москве. 24 ноября 1904 года министр внутренних дел Мирский приносит императору проект собственных реформ. Трудно сказать, кто из них больше взбудоражен: князь Мирский, которого травит столичный бомонд, или император Николай II, которого издергала собственная семья. «Если не сделать либеральные реформы... то перемены будут, и уже в виде революции», – убеждает глава МВД царицу. Большинство благородных и образованных людей хотят осуществить эти реформы, «не трогая самодержавия», уверяет он. В этом и есть задумка Мирского: внушить царю и царице, что возможно идти навстречу обществу, даже не вводя конституции. Но императрица против.

Николай II принимает решение отправить князя Мирского в отставку – но только через месяц, то есть в середине января 1905 года. Теперь он будет наместником на Кавказе. 14 декабря новый указ, написанный по заданию Витте, появляется в печати. Никакого упоминания о выборах в нем нет.

21 декабря царь получает известие о том, что Порт-Артур сдан. Через пару дней в столице становятся известны подробности сдачи города. «У его защитников не оставалось снарядов, все больны цингой и тифом, раненых бездна, японские снаряды попадали в госпитали и ранили уже раненых. Мы взорвали форты и суда в порту. Это второй Севастополь и ровно через 50 лет», – так описывает ситуацию великий князь Константин. Петербургский бомонд обсуждает, что теперь, после падения Порт-Артура, революция просто неизбежна.

Глава 6. В которой в России появляется первый лидер народного протеста – и зовут его Георгий Гапон

В Рождество, 25 декабря 1904 года, профсоюз под руководством спорит о том, как помочь коллегам, уволенным с Путиловского завода. 27 декабря на общем собрании гапоновцы предлагают начать забастовку и написать петицию в поддержку уволенных. Гапон против. Он понимает, что начало всеобщей забастовки станет если не концом организации, то концом его собственной карьеры, ведь настоящего протеста власти ему не простят.

3 января 1905 года начинается забастовка на Путиловском заводе, 13 тысяч человек прекращают работу. Переговоры не складываются: директор Путиловского завода отказывается принять требования рабочих. У него нет выбора, он наемный менеджер, акционеры давят на него, требуют, чтобы военные заказы выполнялись без задержек. На акционеров, в свою очередь, давит правительство. В итоге 5 января к забастовке присоединяются другие заводы – бастует уже 25 тысяч человек.

6 января – в течение суток – число бастующих увеличивается в четыре раза и достигает 100 тысяч. 7 января утром бастует уже 150 тысяч, рабочие захватывают Варшавский и Балтийский вокзалы, столица парализована. В ночь на 9 января Гапон с ближайшими сподвижниками прощаются, назначают себе заместителей на случай, если завтра погибнут, фотографируются на память. В воспоминаниях он напишет, что никакого плана на случай столкновения с войсками у него не было. Утром он просит рабочих взять в церкви иконы и хоругви. Священники не отдают церковный инвентарь, и рабочие отнимают его силой.

Максим Горький в очерке «Девятое января» детально описывает расстрел у Троицкого моста и около Дворцовой площади. Однако самое страшное побоище происходит на Университетской набережной, куда приходит колонна с Васильевского острова. Здесь солдаты встречают отпор: колонна не разбегается, захватывает оружейную лавку и начинает биться с полицией.

12 января гладко выбритый Гапон в пенсне, приличном костюме и «великолепной шубе» приезжает на Царскосельский вокзал. С тщательной конспирацией, сделав множество пересадок, он уезжает в пригородную усадьбу, чтобы поддельный паспорт. Не дождавшись документов, неделю спустя Гапон решает прорываться через границу без них. Гапон находит контрабандистов. Ему везет при нелегальном переходе границы: пограничник с ружьем, почти догнавший его, проваливается в снег и отстает. Бывший священник успевает пролезть под колючей проволокой на территорию Германии. Оттуда он пробирается в Швейцарию, где впервые становится, по его словам, «свободным человеком в свободной стране».

На Дальнем Востоке продолжается сражение вокруг Мукдена (современный Шэньян). Это столица Маньчжурии, крупнейший город на северо-востоке Китая, родина правящей китайской династии – и одновременно русский форпост на Дальнем Востоке. Главнокомандующий Куропаткин клянется, что больше отступать российская армия не будет, и держит оборону. Изнурительная битва около Мукдена продолжается три недели. Японцы наступают, после долгого сражения Куропаткин приказывает отступить, причем три корпуса оказываются отрезанными от основных сил, начинается паника. Силы обеих армий истощены. Потери японцев как минимум в два раза больше, чем потери русских, но в итоге именно российская армия 25 февраля 1905 года покидает город. Мукденское поражение производит чудовищное впечатление на все российское общество: у всех такое ощущение, что власть трещит по швам, ни на что не способна и должна немедленно реформировать себя или уходить.

14 мая случается то, чего так давно ждет император. Эскадра Рожественского наконец доходит до берегов Японии. Подполковник Деникин пишет, что эта затея была очень популярна в прессе и военные якобы поддались «давлению общественного мнения». Идею послать «на убой заведомо слабейшие силы, не имевшие ни одной базы на своем пути 12 тыс. миль», Деникин называет безрассудным предприятием. За те полгода, что эскадра Рожественского шла из Балтики на восток, пал Порт-Артур, то есть исчез смысл ее похода – прорвать блокаду порта. Когда Николай II ставит новую задачу – «завладеть Японским морем», Рожественский решает для начала прорваться во Владивосток. В Японское море есть три входа, но адмирал выбирает Цусимский пролив. Именно там его и поджидает японский флот.

Бой в Цусимском проливе продолжается двое суток, вернее, это даже не бой, а избиение. Из 38 российских кораблей только три прорываются во Владивосток и один уходит на Мадагаскар, остальные 34 – потоплены, сдались в плен или интернированы. Потери японской стороны составляют только два маленьких миноносца. После Цусимского разгрома дядя царя, главнокомандующий флотом великий князь Алексей подает в отставку. Внутренняя ситуация становится все более взрывоопасной, и император назначает Дмитрия Трепова еще и заместителем главы МВД – с сохранением поста столичного генерал-губернатора.

17 апреля публикуется Закон о веротерпимости, отменяющий унизительные ограничения для мусульман, буддистов, католиков и староверов. Также выход из православия перестает быть уголовным преступлением. Московское купечество ликует, наконец старообрядчество законно, они больше не люди второго сорта. Вновь открываются старообрядческие храмы.

Социалисты неустанно ведут агитацию на кораблях Черноморского флота, подстрекая матросов к бунту. Но как раз на команду броненосца «Князь Потемкин Таврический» они не рассчитывают: она слабая и политически не активная. Однако матросы «Потемкина», узнав, что в суп положили червивое мясо, начинают бастовать сами. 14 июня вся команда броненосца получает положенную на обед кружку водки, ест сухари, а от борща отказывается. С этого начинается самый знаменитый бунт 1905 года, который через 20 лет прославит Сергей Эйзенштейн. В считанные минуты матросы убивают капитана и всех офицеров. С 16 по 25 июня броненосец блуждает по Черному морю, стреляя в сторону Одессы, а посланные ему вдогонку миноносцы не могут его найти. 25 июня на корабле заканчивается запас пресной воды и продовольствия, на борту начинаются конфликты, и в итоге «Потемкин» сдается румынским властям в Констанце. Команда сходит на берег и, избежав ареста, разъезжается по Европе. Сам броненосец 29 июня буксируют обратно в Севастополь.

Все лето в Петергофе мучительно обсуждают манифест о созыве Государственной думы. Все члены правительства (без Витте, который уехал в Америку на переговоры с Японией, но с Треповым) плюс к этому вся семья – целых пять великих князей, на подмогу вызывают даже самого известного историка Российского государства Василия Ключевского. 6 августа 1905 года император наконец подписывает манифест о создании Государственной думы, которая почти не имеет никаких прав и не может принимать законы.

Далее...

Глава 7. В которой черносотенец Александр Дубровин создает первую в истории страны партию власти, а противник режима Максим Горький просит Запад перестать давать России деньги

Глава 8. В которой Петр Столыпин и Дмитрий Трепов предлагают два альтернативных пути реформирования России

Глава 9. В которой фанат искусства Сергей Дягилев и религиозный фанатик Илиодор пытаются быть независимыми от государства и даже использовать его в своих интересах

Глава 10. В которой миллионеры Павел Рябушинский и Александр Гучков пытаются привлечь крупный бизнес к управлению государством

Глава 11. В которой Григорий Распутин становится самым влиятельным коррупционером и самым ненавидимым пацифистом в России

Глава 12. В которой в России появляется второй лидер народного протеста, и зовут его – Александр Керенский

Глава 13. В которой Ираклий Церетели пытается превратить Россию в парламентскую демократию, а Владимир Ленин мешает ему это сделать

Глава 14. В которой Лев Троцкий и Лев Каменев не хотят большевистского переворота, потому что считают, что он совершенно не нужен